



**МИССИЯ
ВЫПОЛНИМА**

**ВСЕ
МИРАЖИ
СГУТ**

**АЛЕКСАНДР
Терентьев**

Миссия выполнима

Александр Терентьев

Все миражи лгут

«ВЕЧЕ»

2016

Терентьев А. Н.

Все миражи лгут / А. Н. Терентьев — «ВЕЧЕ», 2016 — (Миссия выполняема)

ISBN 978-5-4444-8684-9

Группа боевых пловцов под командованием старшего лейтенанта Каткова, по прозвищу Скат, ищет сбежавшего в Японию продажного чиновника из «Росвооружения». Этот чиновник вывез из России совершенно секретные документы – компромат на его высокопоставленных покровителей. Он – важный свидетель, и его нужно доставить на родину живым. В то же время за чиновником охотятся и наемные бандиты, которые по приказу этих самых высокопоставленных покровителей должны ликвидировать и его, и компромат. Силы изначально равны, но бандиты берут в союзники тайваньских уголовников, и дело вполне может закончиться для группы Ската провалом...

ISBN 978-5-4444-8684-9

© Терентьев А. Н., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Терентьев

Все миражи лгут

I

1

Декабрь 2009 г. Москва. Воробьевы горы

– Сергей Иванович, ты к народной мудрости как относишься? – очень прилично одетый и ухоженный господин, наверняка давно забывший, что на свете существуют такие понятия, как ширпотреб и общественный транспорт, равнодушно скользнул взглядом по раскинувшейся далеко внизу панораме суетливо копошащегося мегаполиса и, даже не пытаясь скрыть своего недовольства, кольнул собеседника нехорошим взглядом.

Визави ухоженного, крепкий и подтянутый мужик лет пятидесяти, какими-то неуловимыми признаками вроде уверенной осанки, скупости в движениях и некоторой особой небрежности в одежде, сразу вызывал ассоциации с недавно сбросившим привычный мундир полковником и, казалось, высокий лоб с благородными залысинами украшала невидимая, но довольно легко угадываемая надпись «отставник».

– Это вы к чему? – отставник чуть настороженно взглянул на холеного и, пошелестев красной пачкой всемирно известной отравы для бравых ковбоев, закурил и деликатно выпустил облачко нежно-голубого дыма в сторону.

– А к тому... «Сколько веревочке ни виться...», «Новая метла...» и «протчая, протчая...», как писал в своих «прелестных письмах» вор и бунтовщик Емелька Пугачев. Тот самый, что считал, что лучше один раз напиться живой крови, чем триста лет питаться падалью... Ты вообще в курсе, что в стране делается? Что разухабистые девяностые, когда папа разрешал всем проходимцам хватать жирные куски и ртом и... всеми руками, давно закончились? Что в Кремле уже вторая новая метла на престол взгромоздилась? Сегодня этот парень пока еще присматривается, команду подбирает, с олигархами заигрывает, в либерализмы-плюрализмы и демократию играет... А завтра? Как там у классика... «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!» И захочет эта метелочка живой кровушки испить, да денежки, путем не совсем праведным заработанные, у заживевших ворюг отобрать со всей пролетарской строгостью да в царские сундуки и сыпать... И вот тогда-то и обернется пушистая метелка в топор вострый, а веревочка для многих закончится тугой и жесткой петлей...

– А, может, другая присказка подойдет? Не так страшен черт, как его малюют... Нет?

– Да нет, Сергей Иванович... Ты телевизор хотя бы иногда посматриваешь? Тогда должен был заметить, как президент грозно бровки хмурит и все о борьбе с коррупцией правильные слова говорит. Ему для имиджа просто позарез необходимо десяток-другой ворюг разного ранга за решетку отправить! В кулуарах, между прочим, легким ветерком шепоток гуляет, что помощнички для царя-батюшки уже и списочки некоторых особо зарвавшихся и уверовавших в свою неприкасаемость составили. Так что вот-вот наш юрист венценосный заживевшим воеводам бошки начнет рубить на радость народцу расейскому... – холеный слегка поежился и нервно дернул укутанной теплым шарфом шеей, словно уже чувствовал прикосновение острого и леденяще-холодного лезвия воображаемого топора. – Слушай, Иванович, а ведь не май месяц, что-то я подзамерз маленько. Идем-ка мы с тобой в машину – там все-таки потеплее...

Внутри «мерседеса» действительно было очень чисто, тепло и уютно. Отставной полковник удобно устроился на мягко-упругом кожаном сиденье и мельком подумал, что российские боссы всех мастей так дорожат своими «меринами» и «бээмухами», наверное, не только потому, что эти автомобили, слегка отличающиеся от жестяных коробок, гордо именующих себя «жигулями», удобнее и надежнее других. Дорожат они своими недешевыми тачками, купленными на народные деньги, еще и как несомненными свидетельствами определенного положения и успеха, и как клочками независимой территории, отгороженной от все того же народа мигалками, затемненными стеклами и массой привилегий. Так любой корабль, вошедший в иностранный порт, является кусочком суверенной территории государства, флаг которого развевается на его мачтах...

Хозяин комфортного и престижного средства передвижения небрежным кивком отпустил водителя «погулять», по-хозяйски достал из минибара округлую бутылку коньяка и ловко разлил в пузатенькие бокальчики граммов по пятьдесят.

– Давай, Сергей Иванович, ударим слегка по инфаркту, ха-ха... На чем я там остановился?

– На списках и топоре, – бесстрастно подсказал отставник, краем глаза отмечая, что особого удовольствия боссу упоминание о топоре, естественно, не доставило.

– Да, о списках... Так вот, в списках тех вполне могут оказаться и очень уважаемые люди, а посему они сейчас старательно подчищают «хвосты». Дело это, понятно, хлопотное... Небось помнишь, полковник, как еще при комбайнере меченом вся Германия суетилась как муравейник перед дождем, когда ошалевшие от безнаказанности генералы направо и налево – больше налево, естественно, – распродавали чуть ли не танковые дивизии и всякую-прочую мелочь со штампиком «имущество ГСВГ»? Тогда еще Гоша-мерседес угрем на горячей сковородке вертелся, доказывая, что он бел, пушист и честен невероятно? А Димочку Жаркова, который слишком уж упорно копался в германских гешефтах, за что и взорвали мальчонку дядьки злобные, припоминаешь? В те не самые приятные деньки военная прокуратура, помнится, и в твою сторону очень даже нехорошим взглядом посматривала...

– Я все помню, генерал! И то, что вы, Михаил Андреевич, очень многое тогда для меня сделали и я ваш должник на все времена, тоже помню. Но, насколько я понимаю, вы меня пригласили не для того, чтобы лекцию по новейшей истории прочесть?

– То, что память у тебя хорошая, радуется... А нужен ты мне, естественно, для дела. Если в двух словах, то проблемка такая... Знаешь, почему порой проваливаются самые что ни на есть гениально задуманные преступления и аферы? Потому что любая мафия – это цепь людей, а в любой цепи обязательно найдется то самое пресловутое слабое звено... Есть один, скажем так, Большой Босс. И есть контора под названием... ну, пусть будет «Росвооружение». Слышал о такой?

Полковник, понимая, что вопрос скорее риторический, молча кивнул. Кто ж об этой конторе не слышал... Вон, сейчас чуть ли не в каждой газете можно прочитать, как хитроумные дяденьки торговали, да и продолжают торговать со всем миром танками, самолетами-вертолетами и прочими железными штуками, набивая долларами мощну России, ну и, естественно, про свой карман не забывая. Благо, государство с подачи не очень трезвого Хозяина еще в начале девяностых бросило клич: «Обогащайтесь, россияне!» Всем россиянам в ротшильды выбиться, ясное дело, не получилось, но некоторым под шумок перепало очень даже немало...

– Так вот, полковник... И было превеликое множество всяких контактов-контрактов, сделок и, как можно смело предположить, не все они были чистыми, прозрачными и законными. Целый штат умнейших людей виртуозно топил криминальные концы и все было шито-крыто. Все были довольны, сыты и смеялись. Но, как известно, хорошо смеется тот, кто смеется без последствий. Нашелся человек. У него в руках имеется, вероятно, довольно солидная пачка документов, которые более чем красноречиво свидетельствуют о том, что неведомо

куда уходили таки-ие партии оружия, техники и прочей дряни, а в карманах ребятишек, заигравшихся в купцов первой гильдии, осели таки-ие суммы... Если эти бумаги лягут на стол в Большом кабинете, то Хозяин сначала сложит два и два, потом отнимет... все и у всех, а потом ляп по Тяпкину, тяп по Ляпкину... Вот такая арифметика – как ни решай задачу, а в ответе все равно пожизненное выходит. Короче, поручик Голицын, горит под ногами донская земля... А у тебя, я точно знаю, есть хорошие пожарные...

– Вам нужен... стрелок? – Сергей Иванович совершенно непроизвольно понизил голос и опасливым взглядом зачем-то посмотрел сквозь светло-коричневое стекло на видневшуюся неподалеку одинокую фигуру водителя. Тот совершенно спокойно посматривал на панораму города, слегка сутулясь и пряча лицо от знобкого ветерка за поднятым воротником куртки, чем вызывал у бывшего полковника смутные ассоциации с нахохлившимся воробьем.

– Да нет, дорогой, не все так просто... Если бы стукачок и шантажист сидел на подмосковной дачке и чаек попивал, я бы тебя и беспокоить не стал по таким пустякам. Далек он. Послать туда авианосец с морской пехотой я по понятным причинам не могу. Мне не примитивный одноразовый киллер нужен, мне солдаты нужны. Естественно, не стройбатовцы-новобранцы. Нужны твои волки, или как их там обычно величают... дикие гуси, псы войны?

– А почему вы так уверены, что такие... хм, гуси у меня есть?

– Невнимательный ты, Сергей Иванович, – снисходительно хохотнул холеный и ловко вбросил в рот карамельку. – Конфетку хочешь? Я же только что толковал тебе про слабое звено... Матерые вояки у тебя есть, и я хочу, чтобы они слегка поднапряглись и заветный чемоданчик с этой чертовой бухгалтерской документацией мне доставили. А человек тот хитроумный... вот хорошо бы, если б его машина случайно сбила, или еще какая летальная неприятность приключилась... Только сделать это надо красиво и аккуратно, понял? Солдатам перепадет хорошая денежка, да и ты внакладе не останешься.

– И в каких же таких краях ваш плохиш прячется?

– Ну, если уж быть точным, то плохишей оказалось целых три. Правда, серьезную опасность представляет лишь тот, у которого имеется чемодан компромата, но если уж проводить зачистку, то по полной программе. Так что убирать надо всех троих. А насчет далеких краев... Ты в детстве кино такое «Ташкент – город хлебный» смотрел? Там голодные пацаны все на юга бежали и приговаривали, что там тепло, там яблоки... Так вот, например, там, где по моим сведениям прячется один из них, очень тепло. Не знаю уж как насчет яблок, но пальм с кокосами и песчаных пляжей там навалом. Второй выбрал для себя места попрохладнее. А третий объект, интересующий нас больше всего, обнаружился аж на задворках империи, в которой проживают потомки тех самых самураев, про которых наши папы распевали в бодрой песенке про трех танкистов...

– Сведения достоверные? Насчет всех троих? Представляю, сколько вам это стоило...

– Сведения у меня всегда достоверные, – генерал на секунду-другую недовольно поджал губы, явно намекая собеседнику, что люди его уровня и возможностей не могут себе позволить слишком богатой роскоши пользоваться непроверенными сведениями, слухами и догадками. Это удовольствие пусть останется для желтых газетенок, для нищих теток на рынке, да для выживших из ума бабок, смакующих сплетни на лавочках. – И стоит это немалых денег, верно ты заметил. Но умный человек никогда не экономит, если речь идет об информации. Кто ей владеет... ну, сам знаешь... Ты, Сережа, мне этот экипаж машины боевой из списка живых вычеркни, а машину сожги. А не то она под своими гусеницами и меня, и тебя, и много кого еще похоронить может. О средствах не думай – все будет оплачено и обеспечено по полной программе. Повторяю, полковник: под ударом могут оказаться очень серьезные люди и они, естественно, хотят перестраховаться от возможных... хм, неприятностей на все сто. И даже на двести процентов. Так что, о том, чтобы провалить задание, не советую даже и думать. Все,

полковник, свободен, иди, работай... Да коньячок-то допей сначала, что ж ты так заспешил. Во-от... Ну, иди, иди, дорогой. Да кликни там этому – ехать пора...

2

Декабрь 2009 г. Москва

– Эй, мужик, закурить не будет?

Малышев, уже вошедший под скупо освещенную желтоватым светом арку проходного двора, сначала чуть замедлил шаг, а потом и совсем остановился, вполне непринужденно и естественно разворачиваясь боком к появившимся со стороны двора молодым парням. Разворачиваясь так, чтобы за спиной оказалась стена – лучшая защита на случай нападения сзади.

...Та-ак, как говорится, классика жанра: двое в полутемном переулке просят закурить припозднившегося прохожего. Нет, не двое – трое. Вон и третий с другой стороны арки ослабленной походочкой не спеша подгребают. Молодые, здоровые и нагло самоуверенные. Естественно, никем еще всерьез не пуганные и не битые. Явно не очень трезвые. Достаточно нетрезвые, чтобы не думать о последствиях, но и недостаточно пьяные, чтобы промахнуться, если надумают хвататься за нож или какую-нибудь железяку. Хотя сегодня, поговаривают, самое модное оружие – бейсбольная бита. Забавная мы страна: про свою лапту никто не помнит, а про американский бейсбол знают все. И биты стали очень даже ходовым товаром в спортивных магазинах. Насмотрелись голливудского дерьма про «крутых парней», обезьяны немые в грязных лаптях...

– Ну че молчишь, дядя? Или от страха слова забыл? – парень, подошедший со стороны улицы, выглядевший чуть выше и покрупнее первой двойки, снисходительно улыбнулся и склонил голову к плечу, с нескрываемым презрением рассматривая невысокого, худощавого мужичка неопределенного возраста, испуганно жавшегося к стене, покрытой облупившейся штукатуркой.

– Да не курю я. Не повезло вам, ребята.

– Ха, Серый, слышь, че этот ботаник базарит? Мужик, это тебе не повезло! Сильно не повезло. Что ж ты по ночам шастаешь, да еще и без курева?

– Ты еще скажи, что у тебя и денег нет, и мобилы... А ну, выворачивай карманы, сука! – и у третьего голосок прорезался. Нет, все-таки битые – шепелявит паренек, кто-то, по-видимому, пару зубов выставил убогому.

Серый, не спуская глаз с тщедушного мужика, медленно опустил руку в карман куртки и, достав нож, щелкнул кнопкой. Из рукоятки выскочило тускло блеснувшее узкое лезвие. Вроде бы все было как обычно: остановили лоха, слегка припугнули. Сейчас он должен до заикания и крупной дрожи перепугаться и покорно отдать все, что есть у него в карманах. Но что-то на этот раз шло не так, и это Серому явно не нравилось. Что не так, он вряд ли смог бы внятно объяснить. Но как-то неправильно мужик себя вел, не было в его движениях суеты, а в голосе не было страха – такие вещи Серый просекал сразу. Чужой страх так приятно щекочет самолюбие, да и возможность покуражиться над скулящим, беззащитным терпилой дарит почти такую же сладость и упоение, как хороший косячок из правильной травки. А может, мужик из крутых, шевельнулась тревожная мысль? Тогда он должен был сразу заявить, что за ним стоят серьезные люди, имена-погоняла назвать... Нет, не из крутых он, просто придурок непуганный. Ничего, сейчас мы его поучим немного нормальных пацанов уважать...

– Вы не те песни слушаете, пацаны, – каким-то неживым, скучным голосом негромко начал говорить мужчина, не двигаясь с места. – Тот приблатненный лепила бывший не только «Гоп-стоп» поет, но и про «черный тюльпан». Слушайте песню скальда – и вы узнаете всю правду о викингах...

– Серый, что там это чмо бормочет, а? Может, он дебил какой большой?

– А вот мы сейчас и посмотрим, больной он или здоровый. Если больной – подлечим, а если сильно здоровый – маленько покалечим, ха-ха...

Серый быстро перебросил нож из руки в руку и, угрожающе поводя клинком вправо-влево, решительно двинулся к мужичку. Когда между ним и жертвой оставалось не более полтора шагов, Серый с резким выкриком сделал стремительный выпад, норовя ткнуть мужика под ребра. Но тут произошло нечто странное. Мужичок, вроде бы даже и не шевельнувшийся, вдруг оказался чуть правее того места, где он только что стоял, и удар Серого пришелся в пустое место, а хозяин ножа сначала почувствовал дикую боль в руке, а в следующее мгновение неведомая сила швырнула его лицом в шершавую стену. Боль в руке сразу же отступила на второй план, поскольку в голове вспыхнула яркая вспышка, пронзившая новой болью все тело, а затем наступила темнота, словно сама стена упала и накрыла всей своей каменной массой неудачливого ночного грабителя.

Дружки Серого, так и не успев толком понять, что же случилось с их корешом, разом кинулись на осмелившегося проявить неповиновение мужичонку. Кинулись по всем правилам, до сих пор их не подводившим: с матюками вперемежку с угрозами вроде широко разрекламированной тем же голливудским кино фразочкой «Все, ты – покойник!».

Однако, судя по всему, мужик покойником становиться был решительно не согласен. Хотя он и не кричал, не размахивал руками и ногами, да и вообще почти не двигался с места – не было ничего, напоминающего образ киношного лихого драчуна вроде дешевого пижона Ван-Дамма. Но так уж получалось, что все наскоки и удары парней желанной цели не достигали, проваливаясь в пустоту, а мужик оставался совершенно невредим. Да и ударов-то парни успели нанести всего пару-тройку, а потом один из них, опрометчиво бросившийся вперед, как на кол напоролся на самый обычный прямой удар в солнечное сплетение и, открывая в беззвучном крике рот, хотел было согнуться и попробовать поймать глоточек воздуха. Не получилось, поскольку мужик моментально ударил еще раз – основанием открытой ладони, сознательно и жестоко разбивая в кровь верхнюю губу и нос. Второй, захлебываясь кровью и подвывая, лег рядышком с Серым, зажимая ладонями лицо.

Оставался третий и последний. То ли самый глупый, то ли чересчур самоуверенный и ничуть не охлажденный примером первых двоих, он с визгом изобразил нечто вроде боевой стойки и ударил ногой. Вернее, попытался ударить, поскольку мужик левой рукой довольно непринужденно перехватил ногу в верхней точке удара и на секунду задержал, с мрачной усмешкой заставляя парня делать популярное упражнение на растяжку. А мгновением позже чуть развернулся вправо и ударил, маховым движением подсекая противника и заставляя того сначала подлететь в воздух, а затем приложиться спиной, плечами и головой о грязный серый асфальт...

Мальшев с минуту постоял, с холодным равнодушием на лице рассматривая поверженных противников, потом нагнулся, поднимая нож, подошел к недвижно лежавшему Серому и присел на корточки.

– Хорош придуриваться, убогий, – я же вижу, что ты уже очнулся, – поигрывая ножом, негромко начал Мальшев. – Слушай и запоминай. Я не участковый и лекций о нехорошем поведении тебе читать не буду. Сейчас я сломаю всем вам по руке. Пока по одной. Если вы еще раз попадетесь мне на глаза, будет хуже – я вам ваши глаза вырежу. А теперь скажи, что ты все услышал и понял. Если от страха голос пропал или слова забыл, то кивни. Я жду.

– Не надо... руку. Я понял, – как обычно и бывает при встрече дворовой собачонки с матерым волком, в чуть слышном голосе Серого уже не было ни былой наглости, ни уверенности в собственной крутизне, а были лишь страх и готовность приниженно улыбаться, заискивать, вилять хвостом и выполнять любое требование более сильного хищника.

– Вот и хорошо, – Мальшев встал, задумчиво покрутил в пальцах нож и без малейшего усилия отломил клинок у основания, не спеша протер обломки оружия полой куртки и отбро-

сил в сторону. После чего тусклым голосом приказал Серому положить руку на асфальт. Тот крепко зажмурился, прикусил губу и, словно кролик, замороженный взглядом удава, покорно выполнил требование. На трясущиеся пальцы опустилась подошва крепкого ботинка и раздался слабый хруст, тут же заглушенный громким вскриком боли. Крик повторился трижды, а потом странный незнакомец без малейшей спешки удалился, оставив сидевших на грязном асфальте парней заниматься несколько странным делом: все трое почти синхронно покачивались, жалобно подвывая и баюкая изуродованные правые руки...

Мальшев вошел в обшарпанный подъезд, вполне пригодный для съемок фильма о послевоенной разрухе сороковых, и поднялся на свой этаж, где в мрачной, захлавленной двушке снимал у какой-то полубезумной старухи крохотную комнатку. Старуха была подслеповатой – что, впрочем, не мешало ей с невероятной сноровкой пересчитывать полученные от квартиранта деньги, – и страшно любопытной: Малыш был уверен, что та постоянно проверяет его комнату. А что тут искать? Ни золота, ни оружия, ни наркотиков. Какие наркотики, если Малышев даже не курил, а уж водку и вообще на дух не переносил.

Квартирант открыл дверь своим ключом, неторопливо разделся и плюхнулся на раскладушку, стоящую в центре комнаты. Старухин диван, громоздившийся у стены, вызывал у Малышева непреодолимую брезгливость, и раскладушка была куплена в первый же день освоения нового жилья. В числе покупок был также новый чайник, к которому прилагались солидный запас кофе, чая и сахара. На этом краткая эпопея благоустройства и закончилась...

Мальшев заварил в кружке крепчайшего чая и, присев на подоконник и мрачно поглядывая на раскинувшийся за окном неухоженный двор, помаленьку прихлебывал почти черный напиток.

«...Ни кола ни двора... Ни семьи, ни близких. Это про меня. Почти тридцать лет, а все по съемным халупам. Ладно, еще пару заказов Иваныч даст – можно будет и о маленьком домике в Подмосковье где-нибудь подумать. – Малышев чуть заметно усмехнулся. – Как старуха-то меня все про жизнь мою выпытывала! А что я ей могу рассказать? Про детство, где были только пьяная мамаша и ее хахали? Про то, как у соседей хлеб взаймы брал? Или как меня во дворе били все, кому не лень? Про армию? Как в спецназ попал – кстати, вовремя в армию загребли, иначе сел бы точно! – и какого дерьма пополам с кровью в Чечне хлебнул полной ложкой? Мда, если бы не Сергей Иванович, я бы и за Чечню сесть умудрился бы... Он меня тогда отмазал, а то вломили бы мне срок за того ментовского капитана-суку... Да хрен с ними со всеми – теперь я вольный стрелок. Наемник. Слово-то какое поганое... Солдат удачи, блин! А что мне еще остается, если, кроме как стрелять и глотки резать, я больше ничего не умею? А это уж я умею – научили, спасибо добрым дядям... Да, противно, да, грязь, да, кровь! Но... расклад во все времена был и остается простым: или ты овца, или волк – третьего не дано, что бы там по телевизору про любовь к ближнему не трендели. Это кого мне любить – тех уродов во дворе? Или ворюг, что всю страну себе по карманам распихали? Давить их надо, как крыс жирных. Работа, конечно, противная, но... Не противнее, чем халдеем в ресторане спину перед каждой тварью спесивой гнуть. Работа как работа – каждый ест свой хлеб...»

В кармане куртки запиликал мобильник. Малыш поставил кружку на подоконник, достал трубку и посмотрел на высветившийся на дисплее номер. Нажав зеленую кнопку, коротко ответил: «Да!» Невидимый собеседник так же коротко предложил спуститься вниз, к машине, ожидающей Малышева во дворе.

В полумраке салона самой обычной «Нивы», слегка подсвеченном лампочками на приборной доске, Малышева ожидал тот самый Иванович, о котором наемник вспоминал минут десять назад. Сергей Иванович без долгих прелюдий протянул Малышеву конверт.

– Здесь паспорт, деньги и билет на самолет. Вот фотография и данные на клиента. При мне прочти и лицо запомни. Когда сделаешь дело – позвонишь вот по этому номеру. Получишь новые инструкции. Да, вот еще что... На этот раз оплата будет увеличена в два раза.

– Лететь-то далеко, полковник?
– Далеко, – хмыкнул Сергей Иванович, – через океан. И с собой возьми что-нибудь потеплее – там сейчас морозы под тридцать. Все, удачи тебе, сынок...

3

Декабрь 2009 г. Остров Муреа, близ Таити

Бабочка, привлеченная ярким светом, ткнулась в стекло и с каким-то тупым упрямством билась и билась о преграду, трепеща хрупкими крылышками, окрашенными в яркие цвета.

– Какая же ты дура! Не понимаешь, что это стена? Не понимает... – светловолосый полноватый мужчина лет сорока удрученно кивнул и потянулся к стоявшей на журнальном столике бутылке с яркой наклейкой, на которой куда-то спешил по своим делам Джонни Уокер. Мужчина налил в стакан чуть больше половины, нетвердой рукой поднял его на уровень глаз и, с пьяной сосредоточенностью рассматривая на свет золотистый напиток, нараспев продекламировал всплывший в памяти стишок из далекого детства: – «По Бобкин-стрит, по Бобкин-стрит шагает тощий мистер Смит. В почтовой синей кепке, а сам он вроде щепки...» Ну, давай, Джонни, за твое здоровье! Или ты все-таки мистер Смит?

Мужчина выпил, болезненно поморщился, стукнул доньшком пустого стакана о стеклянную прозрачную столешницу и зашуршал бело-желтой пачкой с нарисованным на фоне пирамид симпатичным верблюдом, выуживая сигарету. Щелкнул дорогой зажигалкой, выпустил первое голубоватое облачко душистого дыма и, вспомнив про глупую бабочку, повернул голову в сторону снизу доверху застекленной стены, за которой пряталась в темноте скупо освещенная просторная веранда. Бабочка, жестоко обманутая инстинктом, все еще продолжала биться в прозрачное стекло с монотонностью заведенного неведомой рукой механизма.

– Вот, Джонни, видишь ту дуру? Она думает, здесь солнце, тепло и жизнь, а тут... Счас, погоди...

Светловолосый с трудом поднялся и, покачиваясь и что-то угрожающе бормоча вполголоса, открыл затянутую противомоскитной сеткой дверь и вышел на веранду. С минуту постоял, с пьяной ухмылкой скептически наблюдая за быстро мелькавшими крылышками мотылька, затем с неожиданным проворством выбросил вперед руку и старательно растер неведомо-хрупкое создание по холодноватому стеклу. Брезгливо поморщился и тщательно вытер ладонь о светлые шорты, после чего вернулся в комнату, плюхнулся в кресло и торопливо налил еще с треть стакана.

– Вот, Джонни... Она думала, что здесь ее ждет рай, а мы ее шмяк – и все. И нет ничего.

Ни-че-го. Так и мы: суедемся, мечемся, глотки друг другу рвем – и все из-за этих денег поганых! Думаем, что они нам рай подарят. Свободу, независимость, гарантию нормальной жизни... Да черта с два! Ведь на самом деле мы за миражами гоняемся, а все миражи врут, одна видимость и обман сплошной. Думаешь, люди с по-настоящему большими деньгами спят спокойно? Не-ет, брат, они за эти большие деньги платят как раз самым главным – свободой и покоем. Бомж – он свободен, а миллионер – нет. Мы думаем, что мы ловим деньги, а это они ловят нас. Поймают и как псов держат на цепи, ха-ха-ха. Как глупых Трезоров. А частенько и как ту бабочку – шмяк и все... Я вот сейчас хотел бы в заснеженной тихой деревушке русской в баньку сходить, веничком похлестаться, а потом по морозцу пройтись, снежком белым полюбоваться. А сижу здесь, в этом раю зачуханном, и лишний раз на свежий воздух боюсь выйти... Как в том мультфильме про попугая? «А вы бывали на Таити?» Ну, приехал я на Таити и что? Да пропади они пропадом, эти острова и этот рай...

Вообще-то Игорь Владимирович Лещинский был человеком почти непьющим и настоящих пьяниц вполне искренне презирал и полноценными, нормальными людьми этих тупоголовых пленников зеленого змия не считал. Да и по роду своей деятельности вращался госпо-

дин Лещинский в таких кругах, где предпочитали более или менее здоровый образ жизни, а сама жизнь и работа практически не оставляли времени на какие-либо развеселые оргии.

Должность заместителя высокопоставленного чиновника из очень солидной конторы, известной практически всему миру под названием «Росвооружение», и вульгарная пьянка по определению не могли сосуществовать рядом. Это выглядело бы примерно так же, как развалившийся в чистеньком кресле чопорно-солидной консерватории грязный и вонючий бомж, прихлебывающий из горла дешевое пиво под звуки какого-нибудь «концерта для виолончели с оркестром». Иностранное тело. А всякое иностранное тело, как известно, любым организмом, любой системой отторгается. Ну никак не могут сочетаться серьезное дело и незамысловатые радости полуграмотного слесаря-сантехника...

Радости в тепер уже прошлой жизни конечно же были, но были они вполне солидными и «красивыми». Престижная работа, дорогая квартира в очень солидном доме, автомобиль, не имевший решительно ничего общего с российским автопромом, отдых в местах, которые рядовой обыватель может увидеть разве что на карте или в телепередачке вроде «Непутевых заметок». Все было и все рухнуло практически в один момент.

...Началось все с вполне обычного вызова в тихий и уютный кабинет большого босса. Босс вроде бы и самым обычным негромким голосом вдруг начал говорить о вещах не очень-то понятных и неприятных. Ключевыми словами в несколько путаной речи босса были «Счетная палата», «прокуратура» и «коррупция». Лещинский еще четко не осознал для себя размеров нависшей над ними опасности, но главное уловил с первых же слов начальника: это конец всему, синекура приказала долго жить и впереди вполне отчетливо уже проглядывают контуры тюремных нар, вышек и колючей проволоки. И вид заметно нервничающего босса, доселе славившегося своими непробиваемыми уверенностью и спокойствием, лучше всяких доводов убеждал в том, что нужно срочно «заметать следы и рвать когти», как говорят в кругах, в колючей проволоке хорошо разбирающихся. И чем быстрее, тем лучше, ибо уже завтра может быть поздно.

Естественно, для Игоря Владимировича не было секрета в том, откуда вдруг подул ледяной ветер перемен и кто инициировал все эти «строгие проверки» – Лещинский был твердо убежден, что борьба с коррупцией здесь совершенно не при чем, а идет самый примитивный и вульгарный передел собственности. Во власть пришли новые люди, окружили себя кучкой особо доверенных бояр и теперь раздают этим новым опричникам земли и деревеньки с холопьями за верную службу. А поскольку все лакомые куски давным-давно поделены, то нужно старых владельцев убирать с теплых местечек – и чем дальше за Урал, тем лучше...

За Урал, в меньшиковское Березово – это для больших людей, а для мелкой сошки вроде пана Лещинского вполне может быть уготовлено и совсем незавидное будущее. А если точнее – то и вообще никакого. Беда Игоря была в том, что знал он действительно слишком много, как говаривали в наивных старых фильмах. И когда шеф тусклым голосом предложил своему заместителю в срочном порядке спрятаться где-нибудь на другом краю Земли, Лещинский чуть ли не в открытую облегченно перевел дух. Ведь серьезные люди могли выбрать и другой, более кардинальный способ спрятать опасного свидетеля от нависшего над ними костистого кулака сурового правосудия. «Вчера у подъезда своего дома был застрелен...» – мелькнул бы коротенький сюжетик в вечерних новостях...

Далее все было очень просто и быстро. Жена с дочерью была отправлена к родственникам в глухую деревеньку на Вологодчине, имущество по мере возможности было превращено в живые деньги, а документы были в спешном порядке заменены на более надежные и солидные. Через неделю после высокой аудиенции лайнер доставил новоиспеченного гражданина Германии Пауля Шредера сначала в Японию, а затем и в аэропорт города Папете, столицы Французской Полинезии. Господин Лещинский-Шредер решил не мелочиться и искать убежища на краю земли не в переносном, а в самом прямом смысле.

В Папете компания «Текура Таити трэвел» вручила г-ну Шредеру авиабилет и уже через три часа почтенный турист из далекой Германии вселился в очень приличный отель «Интерконтиненталь», расположившийся на берегу океанской лагуны, на соседнем с Таити острове Мурее.

Дальше все было почти точно по классике: «Два дня ему казались новы». Но вся новизна приелась и надоела в рекордно короткие сроки. Ну, прекрасные пляжи, покрытые зеленью горы, великолепный в своей величаво-спокойной красоте океан – и что? «Знаменитый на весь архипелаг дельфинарий» оказался обычным отгороженным бассейном, где резвились и добросовестно обрабатывали свою рыбу аж целых четыре дельфина. Черепаший питомник с замшелыми и сонными, едва двигавшимися тортиллами представлял собой и вовсе жалкое и скучное зрелище. Да, тихо, да, кроме криков чаек и легкого шума прибоя, ничего не беспокоит. Почти рай земной, «Баунти – райское наслаждение», черт бы его побрал... Еще через неделю Лещинский отчетливо понял, что попал в пусть и комфортабельную, но все же тюрьму. И неожиданно для самого себя запил – тяжело и надолго.

...Пробуждение было безрадостным, как и все последние дни. В голове тяжело ворочались серый туман и тупая боль, сжимавшая виски. Игорь слабо застонал, с усилием поднимаясь со смятой постели, нетвердой, слегка дрожащей рукой уже привычно плеснул в стакан граммов сто и, содрогаясь от отвращения, выпил. Запил минералкой, пару минут посидел, тупо созерцая залитый солнцем пейзаж за стеклянной стеной, затем смахнул ладонью обильно выступившую на лбу испарину и закурил.

– Все, надо завязывать. – Лещинский прояснившимся взглядом скептически посмотрел на свои заметно подрагивавшие пальцы. – Допился. Ну, чистой воды алкаш. А ведь прав был Юлиан Семенов, когда говорил, что нет ничего лучше, чем хороший глоток водки ранним утром. Действительно, чудо что за дали открываются! Даже цветность зрения меняется: краски ярче и красивее. Видно, знал мужик, что говорил, хорошо знал. Опыт – он сын ошибок трудных, ха-ха... Все, идем купаться, заразу из организма выгонять. Сейчас бы в баньку, да с веничком. А под Вологодой сейчас зима, снежок хрустит... Нет баньки, брат, и снега нет – есть океан. Ладно, плавать будем много и долго...

Плавать Игорь любил и умел – когда-то в институте доплавался до первого разряда, да и потом старался по старой памяти при первой же возможности выбираться в бассейн. А здесь, где океан начинался в самом прямом смысле почти от дверей отеля, Лещинский, словно дорвавшийся до вожделенного моря мальчишка, почти и не вылезал из воды – благо она в любое время суток была теплой.

Несмотря на длительные заплывы в многоградусные моря зеленые, плыл Лещинский уверенно и относительно легко. Голова уже почти совсем не болела, настроение заметно улучшилось, и жизнь вновь начинала казаться не такой уж и скверной штукой. Красивый потухший вулкан, заросший по склонам тропической зеленью, величаво колыхавшаяся широкая полоса ленивого прибоя, смягченного опоясывающими остров рифами, океанская гладь, неуловимо менявшая цвета от синего до зеленоватого и нежно-голубого – что еще нужно для счастья человеку, вырвавшемуся из мрачных северных краев?

Игорь опустил лицо в воду и рассмотрел большую стайку мелких серебристых рыбок, совершенно синхронно совершавших только им ведомые маневры. Среди этой серебристой мелкоты вертелись и более крупные рыбешки, иногда стремительно улепетывавшие от степенно проплывавших совершенно безобидных рифовых акул. У самого дна пролетел куда-то по своим делам огромный скат, вызывавший смутные ассоциации с инопланетным кораблем. Скаты в этих краях были наглыми, настоящими разбойниками: местные приучили их кормиться из рук туристов-дайверов и эти «плавучие одеяла» буквально атаковали своих кормильцев, требуя халявную рыбешку.

Лещинский заплыл почти к рифовому кольцу, и пора было возвращаться. Принять горячий душ, слегка позавтракать, да и стопочка после купания не повредила бы...

Черный силуэт человека в гидрокостюме, удлиненный ластами, появился неведомо откуда и, распугивая стаи рыбок, уверенно начал догонять пловца, отчетливо видневшегося на освещенной солнцем, колышущейся поверхности воды.

Лещинский, старательно работавший руками и ногами, аквалангиста не видел и лишь почувствовал какой-то не то укол, не то легкий ожог. Океан вдруг потемнел, и яркое солнце начало стремительно гаснуть. Игорь почувствовал, как немеют и отказываются слушаться руки и ноги, а в следующие секунды с ужасом осознал, что он просто тонет, уходит в глубину голубой толщи воды и вместе с остатками воздуха из него уходит его единственная и такая неповторимая, замечательная жизнь. «Неужели вот так все... Да нет, нет же, не может так быть!» – было последним, о чем успел подумать Лещинский, а потом наступила глухая тьма...

Аквалангист, вертикально зависший метрах в пяти от потерявшего сознание Лещинского, лениво шевелил ластами и чем-то напоминал в эту минуту любопытного морского конька, решившего понаблюдать, как обнаженное тело пловца, безвольно пошевеливая руками и ногами, медленно уходит в глубину. Убедившись, что Лещинский и не думает подавать признаков жизни, пловец в гидрокостюме уверенно подплыл к трупу, подхватил его поперек туловища левой рукой, приостанавливая погружение, а правой выдернул из ножен, закрепленных на бедре, длинный клинок.

Следующие минут пять неизвестный деловито и явно со знанием дела кромсал ножом безвольное тело, нанося острием клинка множественные раны, которые не особо искусственный эксперт вполне мог бы принять за следы зубов акулы. Вода вокруг пловца и его жертвы быстро окрасилась в розовый цвет, кровь медленно расплывалась, образуя небольшое мутноватое облако, но аквалангиста это, похоже, ничуть не беспокоило – поблескивая лезвием ножа, он без особой спешки старательно заканчивал свою жутковатую работу. Когда неизвестный счел, что «следов безжалостных акульих зубов» оставлено более чем достаточно, он убрал клинок в ножны и с силой оттолкнул изуродованный труп в сторону берега. После чего посмотрел на часы, поблескивавшие на запястье, чуть заметно кивнул и с силой заработал ластами, уходя с места расправы над неудачливым купальщиком. Минуты три темный, расплывчатый силуэт еще можно было разглядеть в зеленоватой толще океанской воды, а затем пловец исчез, растаял подобно облачку пузырьков из отработанной воздушной смеси...

Местный коронер, вызванный полицией для осмотра трупа и по своей должности обязанный засвидетельствовать сам факт смерти, долго качал головой и мрачно рассматривал многочисленные рваные раны на теле выброшенного прибором иностранного туриста.

– Черт возьми, если бы я не знал, что у нас не Австралия и опасных акул здесь просто нет, я бы сказал, что парню крепко не повезло, и его растерзали акулы, – коронер прикурнул от протянутой пожилым полицейским офицером зажигалки и с тоской в голосе спросил: – Что делать-то будем? Если туристы узнают, что одного из них сожрали акулы, то сдается мне, что уже сегодня-завтра из-за билетов на самолет будет драка, а в отелях появится куча свободных номеров...

– Ладно, придумаем что-нибудь. – Полицейский с сожалением вздохнул: – Жаль парня. Приехать в такую даль и так глупо и страшно погибнуть... Хм, а почему бы и не акула? Сидел бы в своей Германии – глядишь и уцелел бы. М-да, не повезло...

4

Аляска, США

– Господи, какая же ты идиотка! Сколько раз ты звонила этой своей дуре? Я тебя спрашиваю?! – невысокий и полноватый мужчина лет сорока пяти, облаченный в дорогой спортивный

костюм, делавший его похожим на почтенного и добродушного тренера, раздраженно метался по номеру отеля и тыкал пухлым пальцем в кнопки мобильного телефона. При этом толстяк успевал довольно витиевато материться, злобно поглядывать на дисплей дорогой игрушки и на свою подружку – классическую представительницу длинноногого племени блондинок.

– Котя, ну что ты так психуешь? – блондинка обиженно надула тщательно подкрашенные губки и, задумчиво поглядывая на потолок, неопределенно махнула рукой. – Ну, раза два. Или три... Ну, не помню я. Что мне теперь и поговорить ни с кем нельзя? Ну ты, котик, ваще прямо как Штирлиц! Мы же не шпионы какие-нибудь, чего ты так...

– Дура! – буквально взвился мужчина и вскинул руку с явным намерением запустить мобильником в девицу, но передумал и изо всех сил швырнул пластиковую игрушку в стену. Телефон оказался штучкой крепкой и, отскочив от стены и брякнувшись о застланный ковровым покрытием пол, насмешливо раскрылся и подмигнул цветным дисплеем. Это окончательно вывело толстяка из себя, и он с яростью раненого бегемота несколько раз топнул ногой, превращая средство связи в горстку пластмассового мусора.

– Сам ты придурок! – девица обиженно скривила губки, намереваясь заплакать, но, вспомнив про макияж, передумала и уже без всяких признаков слез в голосе злобно выпалила: – Ты знаешь, сколько он мне стоил? Это же...

– Тебе?! – мужчина даже задержал на миг свои метания по номеру и недоуменно и зло посмотрел на девушку. – Ты, милочка, по-моему, забыла, что даже белье твое куплено на мои деньги! На мои. Ты, сучка безмозглая, за свою жизнь еще ни рубля не заработала... Да, я не Штирлиц. Мои дела намного хуже. Сколько раз я тебе должен объяснять, что за мной идет настоящая охота, что меня приговорили, что я здесь, на краю света, не отдыхаю, а прячусь. Прячусь, понимаешь ты?! Меня грохнуть могут в любую секунду...

– А я тут при чем? – совершенно успокаиваясь, насмешливо спросила девица. – Если ты такой лох, что даже своровать толком не сумел и твои дружки теперь тебя ищут. Тебя же, не меня. Между прочим, прятаться можно было бы и в приличном месте – например, в Париже или где-нибудь в этой... как ее... в Швейцарии, вот. А здесь даже приличного салона красоты нет. Я уже как последняя Дунька с Урала выгляжу...

– Да плевать мне, как ты выглядишь, – устало произнес толстяк, подойдя к окну, за которым виднелись несколько разноцветных веселых домиков, утопавших в бело-голубоватых сугробах, и прислоняясь лбом к холодному стеклу. – Мертвые выглядят еще хуже, поняла? Из номера ни ногой. Завтра мы улетаем. Нет, послезавтра. Завтра – финал гонки, я хочу это увидеть...

Историю, приключившуюся с господином Шевковым, трудно было бы назвать свежей и оригинальной. Как и большинство самых обычных чиновников, некогда рожденных, выросших и получивших неплохое образование в СССР, Петр Андреевич долгое время жил как все: дом, работа, дом. Жена, дети, скука и телевизор по вечерам.

Потом был небольшой карьерный скачок и теплое местечко в «Росвооружении» – что называется, уровень жизни значительно вырос, а вместе с приходом приличных денег несколько изменилась и сама доселе не очень-то сытная и веселая жизнь. Причем изменилась, естественно, в лучшую сторону. Что сразу же оценили как дети, засыпавшие папеньку требованиями «того-сего-прочего и самого лучшего», так и жена, неожиданно выяснившая, что на свете есть такая ужасно забавная штука, как шопинг, и отдававшаяся этому занятию со всем пылом и страстью отчаянно борющейся с наступавшим увяданием женщины. Получалось неважно. Нет, шопинг получался замечательно, а вот с увяданием было сложнее: ни салоны красоты, ни дорогая пластика, ни чуть менее дорогие тряпки положения спасти не могли. Как ни крути, а сорок пять – это вам не семнадцать, несмотря на все дурацкие присказки про бабужодку.

Вот эти-то жалкие и безуспешные попытки жены вернуть свои семнадцать лет и некий избыток серо-зеленых дензнаков и сыграли с Шевковым недобрую шутку, про которую в народе говорят: «Седина в бороду, а бес...» Бес попался вредный, так саданул под ребро, что, по меткому выражению бабушки Крылова, в зубу дыханье сперло, или, как выражаются более юные россияне, крышу мужику снесло конкретно.

Посланица лукавого была свежа, юна и хороша собой. Волосы ее были белокурыми, ноги длинными, мозги маленькими, а словарный запас значительно уступал тридцати перлам Элочки-людоедки из известного романа. Машеньке, считавшей настоящее свое имя позорно крестьянским и плебейским и отзывавшейся только на красивое погоняло Виолетта, вполне хватало и пары-тройки словечек, из которых главными были: «хочу!» и «купи!» Петр, человек далеко не глупый, видел свою избранницу насквозь, нисколько не обольщался насчет ее истинных чувств к нему, но... И холил, и лелеял, и баловал, поскольку все-таки были у Виолетты достоинства, которые вполне успешно компенсировали недостаток академического образования и ума: девица была молода и хороша в постели.

Когда на горизонте появилась хмурая грозная туча, в которой уже явственно поблескивали страшные убийственные молнии, Шевков, не долго думая, быстренько собрался и ударился в бег. Что бывает с чиновниками, сбежать и спрятаться в подобной ситуации не успешными, он хорошо знал по выпускам теленовостей, в которых весьма красочно описывали расстрелянные автомобили и с плохо срываемым злорадством сообщали, что «убийца скрылся с места преступления». Шевков предпочел скрыться сам. А чтобы не скучать на чужбине, захватил с собой и Виолетту, опрометчиво предложив бросить к ее ногам Париж и весь мир. Правда, с Парижем вышла неувязочка, и сейчас Петр Андреевич со своей длинноногой спутницей находился на самой что ни на есть окраине того самого мира – на Аляске, куда беглого чиновника привела его вторая страсть, корни которой прятались в далеком детстве...

Шевков с детства обожал творчество Джека Лондона. Многие его книги и рассказы перечитывал всю свою жизнь и знал почти наизусть. Сами слова «Север», «Страна белого безмолвия», «Аляска, Юкон, Доусон» звучали как музыка и были преисполнены таинственного очарования. Там, в стране Снежной Королевы, мерцало красочное северное сияние, там трещали морозы, скрипел снег, горели костры золотоискателей. Там жили и боролись с суровой стихией обожженные жестокими северными ветрами настоящие мужчины – высокие, плечистые и жилистые, как серебряные полярные волки...

Шевков однажды побывал на одном из Праздников Севера в краю российских оленеводов, но все эти веселые пьянки жителей далекой тундры вместе с их ездой на оленьих упряжках и прыжками через нарты как-то мало напоминали настоящий Север Джека Лондона. После той поездки в душе поселилось неприятное ощущение разочарования, словно все эти оленеводы в чем-то обманули его и немного разрушили прекрасный замок изо льда, выстроенный детским воображением. И когда неожиданно представилась реальная возможность своими глазами увидеть Великую Северную Гонку, ежегодно проводившуюся на Аляске, Петр, естественно, устоять не мог...

Эту статью Пескова, которого Шевков прекрасно знал и помнил еще по старой советской передаче «В мире животных», вырезанную из какого-то журнала, Петр бережно хранил в своем бумажнике наравне с документами, кредитными картами и наличными...

...Идея Великой гонки, читал Петр в статье, возникла в 60-х годах, когда моторные снегоходы стали быстро вытеснять собачьи упряжки. «Весь колорит Аляски, ее история могут исчезнуть! Я настойчиво стал звонить в этот колокол, вызывая насмешки газет, которые сейчас меня превозносят» – приводил Песков слова Джо Реддингтона, Великого Старого Лиса, впоследствии участвовавшего в Северном марафоне раз двадцать, и эти слова заставляли сердце Шевкова биться чуть чаще обычного и рваться туда, в заснеженные пустыни, раскинувшиеся за Северным Полярным кругом...

«...Несколько лет Старый Лис втолковывал аляскинцам необходимость Великой гонки: – Это будет уникальное состязание в мужестве, мастерстве, выносливости, это будет выражением духа Аляски. Гонка попадет на телеэкраны Америки, люди увидят: оказывается, есть в мире Аляска. Ну и к собакам мы воскресим уважение». Джо своего добился. Нашел деньги на главный приз. Уговорил военных пометить трассу по дикому аляскинскому бездорожью – леса, тундра, два горных хребта, русло Юкона, морское побережье с ураганным арктическим ветром. И родилась Великая Аляскинская гонка – 1700 километров по бездорожью от Анкориджа в Ном...» – эти строчки Петр Андреевич зачитал до дыр наравне с томиками Лондона и заучил наизусть...

Впервые за много лет Шевков был по-настоящему счастлив, и этому не мешали даже стервозность и капризы Машки-Виолетты и мысли о возможных преследователях. Все ему нравилось, все приводило его в почти детский восторг: и собачьи упряжки, и чистый снег, и весьма приличный мороз, и даже вкуснейшие гамбургеры, купленные в чистенькой местной забегаловке. Это была страна его детства, это был его Праздник...

...Упряжка за упряжкой пронеслись мимо по направлению в раскинувшийся неподалеку городок – предпоследний в длинной нитке пути, на которую эти городки и поселки нанизывались, как разноцветные бусины на бесконечные четки. Следующим должен был стать главный, финишный отрезок до Номы. Смертельно усталые, вымотанные трудной гонкой машеры покрикивали свое «марш-марш! хо! джи!», а не менее усталые собаки, от которых валил пар, не сбавляя темпа с фанатичным упрямством настоящих бойцов пробегали последние километры перед отдыхом.

Шевков, стоявший в разноцветной толпе возбужденно галдевших зрителей, растянувшихся вдоль трассы, помеченной оранжевыми колышками с флажками, проводил взглядом последнюю упряжку из группы лидеров и с сожалением вздохнул. Но тут же посмотрел на часы и прикинул, что если он успеет быстренько срезать по целине с полкилометра, разделявших два отрезка трассы, делавшей здесь длинную петлю между невысокими горюшками, то сможет еще разок увидеть, как мимо пронесутся все лидеры гонки. Без долгих раздумий Петр решительно оттолкнулся лыжными палками и, шумно дыша и проклиная свой неспортивный образ жизни, пошел по нетронутому, сверкавшему под солнцем голубоватому снегу.

«Все, как только вся эта фигня с беготней и прятками закончится, надо браться за дело! А то зажирел, как кабан, смотреть противно. Плаванием займусь, на тренажеры похожу... Кто же гонку выиграет в этом году, а? Ладно, что гадать – завтра в Номе узнаем...» – прикидывал Шевков, обливаясь потом и все же продолжая упрямо штурмовать снежные сугробы...

...Кому досталась победа в Великой Аляскинской гонке, кто получил главный приз в пятьдесят тысяч долларов, Шевкову, поставившему на одного из фаворитов пять тысяч американских рублей, узнать было не суждено. В небольшом распадке, поросшем густым мрачно-ватым ельником, его настиг неизвестный на лыжах и одним отработанным движением свернул незадачливому любителю северных забав шею. Тело случайно обнаружили местные жители лишь три дня спустя.

Шериф осмотрел припорошенный сухим снегом труп, окинул взглядом крутой обрыв, с которого, скорее всего, навернулся несчастный и сочувственно покачал седой головой: «Да, не повезло парню. Кто же с такой крутизны съезжает?» Еще через сутки удалось выяснить, что погибший был вроде бы сербом из Македонии и проживал в местной гостинице. Так же при опросе найденных свидетелей шериф узнал, что этот серб ушел в сторону распадка не один: вслед за ним увязались не то двое, не то трое попутчиков. Причем более или менее вспомнить и описать свидетели смогли лишь одного – невысокого, худого мужчину лет около тридцати. На этом, собственно, следствие и закончилось. Вердикт полиции был предельно прост: несчастный случай вследствие неосторожности...

Небольшая тверская деревня в 180 км от Москвы

...Катков шумно выдохнул и, опираясь на черенок широченной фанерной лопаты, придирчиво окинул взглядом только что прочищенную тропинку, пролежавшую от калитки до крыльца дома. Придаться было не к чему: ширина была на всем протяжении одинаковой, брустверы-отвалы – ровными и аккуратно округлыми. Катков удовлетворенно кивнул и с сожалением посмотрел на клонившийся к закату огненно-золотой шар солнца. Еще минут через десять оно должно было превратиться в шар красный и потихоньку спрятаться за кронами деревьев, опушенных светло-серебристым инеем. Иней, создававший обманчивую иллюзию некой теплой шубейки, укутавшей замороженный лес, кое-где был обит с хрупких черных веток порывами холодного ветра и эти стылые голые ветви красноречиво говорили, что до весны еще очень далеко.

Тени быстро сгущались, из нежно-голубых превращаясь в сине-лиловые. Небо тоже готовилось сменить малиновые полосы заката и зеленоватые вечерние краски на густую ночную черноту, в которой вскоре должны были повиснуть дрожащие от холода разноцветно-переливчатые звезды....

С сожалением смотрел на закатное солнце старший лейтенант военно-морского флота Катков по очень простой причине: заканчивался еще один день его отпуска, проведенного в этой затерянной среди тверских лесов деревушке. Как выяснил для себя Вячеслав, отпуск – это не такая уж и плохая штука, особенно если проводить его подальше от суеты большого города.

Дом в деревне старлею достался в наследство от тетки, у которой он в детстве гостил пару раз с родителями. Тетку Катков, если честно, помнил плохо и особых чувств к малознакомой родственнице не испытывал, но так уж получилось, что домик достался именно ему, поскольку своих детей у тети Веры не было, а больше на этот серенький особнячок с небольшим участком земли никто и не претендовал. По большому счету этот домик с его двумя крохотными комнатенками и домом-то назвать было трудно, но когда Вячеслав приехал посмотреть на свалившееся на него наследство, избенка ему неожиданно понравилась, как, впрочем, и сама небольшая деревенька.

Лес на много верст вокруг, тишина, которую так и хотелось обозвать патриархальной. Какие-то по особенному степенные и в то же время наивные и трогательные старички и старушки, каким-то непостижимым образом все еще продолжающие жить в стране, которая давным-давно исчезла... Все это настолько отличалось от суетливых, зараженных азартом бестолковой погони за призрачно-лживыми признаками успеха городов, что даже не верилось, что такие места в сегодняшней России еще остались.

Нет, конечно, не все здесь, в Ольховатке, было столь уж замечательным – были в деревушке и свои недостатки. Самой большой ложкой дегтя было практически полное отсутствие нормальных дорог. В сухое лето и морозной зимой в Ольховатку еще можно было попасть, а вот в весеннюю и осеннюю распутицу или в дождливое лето деревня превращалась в отрезанный развеселой русской грязью остров. Катков не раз прикидывал, что в распутицу в тетушкино имение мог бы добраться разве что десантный корабль на воздушной подушке...

Каких-либо особых перестроек и переделок Катков решил, по здравом размышлении, не устраивать – ради одного месяца в году не имело никакого смысла. Но печку с помощью соседа, дядьки Сергеича, поправил, а комнату, в которой это чудо русской инженерной мысли занимало треть пространства, обшил свеженькой еловой вагонкой. Да еще вместо старого, разошедшегося пола настлал новый – тоже из хорошо выструганных досок. Можно было бы, конечно, и более современными материалами комнатенку отделать, но старлею хотелось, чтобы в его новом доме витали именно запахи свежего дерева, смешанные с сухим живым теплом русской

печки. Вторую комнату Катков за ненужностью просто прикрыл: как заметил понимающий мужик Сергеич, «вроде как на консервацию поставил». В ремонте Сергеич принимал самое деятельное участие – как советом, так и делом, а вот от предложенной платы решительно отказался: «Да ты что? Что б я со своих брал? Не-е, ни под каким видом! Если когда по-соседски вином побалуешь – оно и ладно будет...» На сомнения Вячеслава в том, что он для деревенских уже свой, Сергеич недоуменно пожал плечами: «Ну тык, а чей же? Ты ж не дачник какой, а Веркин племяш – так наш, значит. Тем более не шарамыга какой, а офицер флотский...» Логика соседа показалась старлею несколько странноватой, но спорить было вроде и не о чем – свой, так свой...

Поскольку на «шхуне, вмерзшей во льды», как Катков с изрядной долей иронии называл свое жилище, весь экипаж состоял всего лишь из одного человека, то капитану приходилось совмещать решительно все должности, положенные на судне по штатному расписанию. Был, естественно, в этом длинном списке и кок, или – если по-сухопутному, – повар. После недолгих размышлений кок-кашевар предложил капитану приготовить на ужин отварную картошечку, к которой полагалась всяческая зелень в виде салата, маринованные грибочки, презентованные щедрым соседом, и нежная и жирная, отливающая перламутром селедочка. Капитан поклядисто кивнул и предложенное меню утвердил, после чего кок небрежным тоном, совершенно не терпящим возражений, отправил салагу на камбуз чистить картошку. Салажонк Катков слегка пригорюнился, но есть хотелось, и картошку чистить все равно пришлось...

Правильно сложенная печка деловито шумела спрятанным в ее кирпичном теле огнем, распространяя по комнатке приятное сухое тепло, а на плите побулькивала под крышечкой картошка, в свою очередь, добавляя в запахи жилья аромат традиционной российской еды, которую отделяет от закуски настолько трудноразличимая грань, что нет никакого смысла ее и искать. Когда исходящая парком картошка была уже щедро приправлена маслицем и посыпана мелко порезанной зеленью, за окном где-то на соседней усадьбе громко залаял пес, недвусмысленно сообщая, что в поле его зрения и обоняния появился кто-то чужой. Валерий, сначала искренне считавший соседского дворянина настоящим пустобрехом, со временем научился различать оттенки его голосовых сообщений и сейчас выглянул в окно, почему-то почти уверенный, что вероятные гости если и появились, то именно по его морскую душу.

Дворянин с загадочной кличкой Чукай не обманул: по свежерасчищенной тропинке к дому неторопливо шел, с любопытством осматривая деревенские сарайчики-заборчики, высокий и крепкий мужчина лет сорока с небольшим, в котором старший лейтенант Катков по прозвищу Скат без труда узнал своего непосредственного начальника – подполковника Вашукова. Правда, на этот раз Вашуков был не в своей обычной форме морского пехотинца, а в самой обычной «гражданке»: меховая шапка, теплая куртка, брюки и зимние ботинки.

Подполковник Вашуков являлся командиром одного из спецподразделений боевых пловцов «Дельфин», некогда сформированных под широким крылом ГРУ – Главного разведуправления Генерального штаба – и предназначенных, по первоначальному замыслу больших генералов, для возможных боевых операций за пределами страны. Были осуществлены какие-либо операции или нет, неболтливые военные умалчивают, но это не так уж и важно, важно то, что подобные подразделения в Российской Армии и на Флоте были, есть и будут...

– Ну, здорово, отпускник, – Вашуков протянул старлею руку, с легкой ухмылкой стиснув ладонь подчиненного так, чтобы тот сразу вспомнил, кто здесь командир, и без суеты начал раздеваться. Повесил на гвоздик куртку, поверх нахлобучил шапку и не без ехидства заметил:

– А гардеробчик-то у тебя не евро... Чисто русские гвозди!

– Для меня в самый раз, – сдержанно улыбнулся Скат и гостеприимно повел рукой: – Прóшу пана. Мой дом – ваш дом, моя картошка – ваша картошка. Вы вовремя – сейчас ужинать будем. Картошечка, грибочки...

– Грибочки, говоришь, – подполковник, словно только сейчас вспомнил нечто очень важное, вскинул указательный палец и полез в карман своей куртки. На свет появилась стеклянная литровая емкость с прозрачной жидкостью, подернувшаяся в тепле влажным туманцем. – А я вот, как чувствовал, прихватил случайно.

– А у меня – тоже совершенно случайно, – и селедочка приличная есть, товарищ...

– Да оставь ты, – поморщился Вашуков и сердито отмахнулся, – не в штабе – у себя дома. Давай, Вячеслав батькович, наливай и угощай...

После пары стопок некоторое время прилежно дегустировали деревенские простенькие разносолы. Катков угощал гостя, вопросов не задавал, хотя и прекрасно понимал, что командир намотал на спидометр две сотни верст, естественно, не потому, что соскучился по своему подчиненному и решил выпить с ним водочки в занесенной снегом деревушке.

– Где у тебя покурить можно? – Вашуков зашелестел пачкой сигарет и жестом остановил взявшегося было за бутылку Ската: – погоди пока, старлей, не гони. Разговор есть...

– Да курите здесь. Дым в печку помаленьку вытянет... – Вячеслав отодвинул в сторону тарелку и, облокотясь на столешницу, выжидательно посмотрел на подполковника, со вкусом делавшего первую затяжку и, по-видимому, прикидывавшему, с чего же ему начать.

– Ты, старлей, как к воругам относишься? – Вашуков, не дожидаясь ответа на очевидно риторический вопрос, продолжил: – Вот и я думаю, что вор должен сидеть в тюрьме... Еще, кажется, Суворов говаривал, что интенданта, просидевшего на складе три года, можно смело расстреливать – наверняка, будет за что. Сегодня в нашей Армии и в ВПК тоже воруют...

– Да неужели? – делано удивился Скат и саркастически улыбнулся, но тут же помрачнел и обреченно махнул рукой. – Что тут говорить, командир, – сейчас все воруют.

– И ты туда же, – неожиданно рассердился Вашуков. – Байку хочешь? В магазине баба тоже лягнула, мол, одни воруги кругом, все воруют! А один мужичок ей вежливенько так: «А что конкретно вы, мадам, воруете?» Баба и заткнулась. Я, например, за двадцать лет службы гильзы стреляной для себя лично не взял! И ты, точно знаю, домой ящики с тушенкой не таскаешь. И не только мы с тобой такие честные и правильные. Так что, давай, сынок, не будем всю армию грязью мазать, как это любят журналюги наши! Ладно, проехали... Ты все правильно понял – по делу я к тебе. И то, что ты сейчас в отпуске, как нельзя кстати... Ладно, налей-ка еще по одной.

Подполковник выпил, прикурил новую сигарету и неторопливо продолжил:

– Так вот, несмотря, как говорится, на наш традиционный бардак, кое-где все же начинают порядок наводить. И за ВПК взялись. Да, воруют, но, чтобы посадить и наворованное вернуть, нужно собрать доказательства и все проверить. Проверили, кое-что собрали. Для суда, кстати, нужны еще конкретные живые свидетели, а с ними получилась некая заковыка... Например, три очень осведомленных в многомиллионных махинациях мужичка, как удалось выяснить, смотались за бугор и там попрятались...

– И мы, как я понимаю, должны их найти? – задумчиво кивнул Скат.

– Не совсем. Найти-то их и без нас нашли, – не очень понятно выразился Вашуков. – Вот только искали их, как выяснилось недавно, не только соответствующие службы, а и те ребята, которым очень не хочется, чтобы эти свидетели в Россию вернулись и до возможного суда дожили. Насколько я в курсе, двоих уже прибрали. И прибрали, надо заметить, со знанием дела – все было организовано и проделано аккуратненько и замаскировано под несчастные случаи. Один шею себе сломал, на лыжах катаясь, а второго вроде как акулы сожрали... Я всех нюансов, естественно, не знаю, не докладывает нам начальство, но задачу перед нами поставили вполне конкретную: одного человечка найти, по-тихому изъять, так сказать, из оборота и целехоньким доставить в Россию-матушку.

– Товарищ подполковник, а почему именно мы? Что, у СВР – или у кого там? – своих спецов по этим делам нет?

– Старлей, ты меня удивляешь... Какие спецы в той же Счетной палате или в военной прокуратуре? У Службы внешней разведки тоже другие задачи, специфика другая. А это работа именно для вас, ребята, для спецназа. Там, наверху, очень внимательно прочитали ваш отчет о работе в Венесуэле. Им понравилась и идея смешанной группы: боевые пловцы плюс человек из сухопутного спецназа. Так что есть возможность снова собрать тебя, Тритона и этого... Орехова, майора. У вас вместе неплохо получается.

– Майор с Тритоном – это хорошо, – задумчиво почесал подбородок Катков, – но вот то, что мы для тех, кто в кабинетах бумажки перебирает, будем каштаны из огня тягать...

– Их не учили с огнем работать, а нас учили и учили, насколько ты знаешь, неплохо. – Вашуков жесткой ладонью постучал по доскам стола, на что посуда отозвалась нежным звоном. – У каждого своя работа. Не о том толкуешь, Вячеслав, ох, не о том. Я с тобой разговоры веду как раз для того, чтобы ты не просто мой приказ выполнил и гада того тепленьким домой доставил, а для того, чтобы ты четко осознавал, что делаешь и зачем. Как тот же Суворов говорил: «Каждый солдат должен знать и понимать свой маневр!». Помню, как-то читал дочке книжку... Сказку про Урфин Джюса и его деревянные солдаты. Так вот, мне тупые дуболомы не нужны! Спецназ – это не бутылки и кирпичи с дурацким визгом о голову крошить, в спецназе головой прежде всего думать надо...

Гость на минуту прервался – этого времени как раз хватило на то, чтобы подполковник молча и как-то очень сердито хлопнул очередную стопку и засмолил новую сигарету, на которую, держа руку на отлете, посмотрел тоже довольно недружелюбно, сокрушенно качнул головой и неожиданно пожаловался, вызывая у Ската легкую улыбку:

– Как же надоела, зараза, а бросить не получается... Ладно, это я не в ту степь. Так, о деле... Ты с ребятами вора вернешь домой, его засунут в камеру. Потом с его помощью в казну вернут большие деньги, которые на нужды той же армии пойдут, да на те же квартиры для молодых офицеров. И хотя бы часть грязных пятен, которые всех нас марают, мы сотрем и докажем, что в этой стране пока еще есть на кого положиться и кому довериться... Ладно, политзанятия заканчиваем, а то что-то меня все не туда заносит. Вас, понятное дело, еще не раз проинструктируют, но все же... Когда вы того деятеля за жабры возьмете, особое внимание надо обратить на то, что у него должен быть пакет документов, в которых, как утверждают знающие господа, содержится масса информации о всех махинациях: кто, что, куда и за сколько. Номера счетов, коррупционные схемы и прочая лабуда. Не думаю, что тот мужик повсюду с кейсом таскается – скорее всего, бумаги хранятся в каком-нибудь надежном месте вроде банковской ячейки... Так что, запомни, Скат: у вашей группы будет две цели – свидетель и его бумаги. Я журналистов терпеть не могу, но в данном случае вполне можно сказать и их словами: «Эти бумаги – бомба!» Хороший такой фугас, который взорвет к чертовой бабушке все воровское гнездо. У меня все, старлей. Вопросы?

– Да какие еще вопросы, товарищ подполковник... – Катков ожесточенно потер ладонью шею и налил еще по стопке. – Давайте за тех, кто... хм, не тушенку со складов таскает, а просто честно делает свою работу... Вообще-то один вопрос у меня все же есть: когда едем?

6

...Для того чтобы хорошо бегать, надо бегать и бегать много. Ни за год, ни за два стоящего марафонца из новичка, впервые надевшего беговые кроссовки, не получится. Можно за пару лет выучиться неплохо водить машину, но настоящим гонщиком или профессиональным водителем большегруза можно стать лишь после нескольких лет серьезной работы. За два года из молодого солдата может получиться неплохой рядовой боец, но настоящего спецназовца за такой срок из него не сможет сделать никто, даже самый толковый и гениальный в своем деле инструктор.

Настоящий спецназ – это не совсем те, кто каждый год второго августа размахивает флагом ВДВ, купается в фонтанах и, приняв на грудь граммов пятьсот, кричит на весь свет о своей крутизне и бьет в морду всякого, кто посмеет в этой крутизне усомниться. В большинстве случаев громче всех кричат, пожалуй, именно те, для кого служба в ВДВ стала самой большой и единственной удачей в их никчемной скучной, серой и пьяной жизни. Голоса тех, кто по-настоящему хлебнул Афгана и всего того, что было потом, звучат не так громко и пафосно. Они не стучат себя в грудь, бренча медалями и размазывая пьяные слезы по щекам, не упрекают Родину в том, что она их «отправила на бойню», а потом о выживших просто забыла. Они молчат потому, что твердо знают главное: они как умели честно выполнили свой долг. Так о чем кричать и махать кулаками после драки, о которой хочется просто забыть?

Юные пацаны, искренне презирающие очкариков и ботаников, с восхищением говорят о службе в ВДВ, в морской пехоте, в спецназе, и невдомек им, что пехота крылатая и морская пехота – это, по сути, всего лишь просто пехота. Спецназ – это все же несколько иное...

В армию приходит тысяча молодых парней. Есть откровенные слабаки, есть те же ботаники и просто малопригодные к серьезной службе ребята. Из этой тысячи для службы в ВДВ или в морской пехоте можно отобрать около сотни. Около десяти из них со временем могут стать хорошими солдатами. И, возможно, лишь один из этой десятки имеет шанс стать настоящим спецназовцем. И дело здесь конечно же не в идеальном здоровье. Для спецназа годен лишь тот, кто рожден воином. Это целый комплекс качеств, – и физических, и психологических, и даже генетических, – который становится базовым для желающего стать не просто стрелком в камуфляже и берцах, а Солдатом, чья жизнь посвящена одной из самых страшных вещей в жизни человека – войне...

Романтика, если она и завихрялась розовым туманцем в восемнадцатилетней голове, исчезает, как тот же утренний туман в стихах классика, уже на курсе молодого бойца. Человек начинает понимать, что воинская служба – это прежде всего просто работа. Просто работа, пахота и надо научиться делать ее на совесть, а если возможно, то и лучше всех. Ты должен научиться прыгать с парашютом днем и ночью, на горы, на лес, на воду. За десять прыжков ты не успеешь стать мастером – прыжков нужны сотни. Ты должен уметь стрелять из всего, что стреляет, и из любого положения попадать в цель – хотя бы одной пулей, но в каждую мишень. Если ты за службу отстрелял лишь первое упражнение «три одиночных – шесть очередь» – какой же из тебя стрелок...

Ты должен научиться бесшумно снимать часового и выживать в рукопашной схватке, в которой надо уметь пользоваться как ножом, так и всем, что попадет под руку. Тебе придется научиться подолгу обходиться без еды, воды и огня, выживать в таких условиях, в каких выжить невозможно, казалось бы, в принципе. Тебе придется драться одному против пятерых – и ты начнешь со временем понимать, что за одного битого дают не двух, а десяток небитых. Тебе придется набегать сотни и тысячи километров, потому что в спецназе крепкие ноги – это твой шанс выжить тогда, когда по твоим следам будет идти погоня из прекрасно обученных охотников за диверсантами. Тебе придется...

Список почти бесконечен, и учиться и пахать тебе придется не год и не два, а всю жизнь в спецназе. И если ты станешь настоящим матерым волком – у тебя есть шанс уцелеть в страшной игре по имени «Война», в которой есть всего лишь один главный приз – жизнь. Ведь, если отбросить в сторону красивые и глупые слова о том, что на войне в первую очередь гибнут лучшие, то сразу становится понятно, что гибнут в первую очередь как раз плохо подготовленные или совсем необученные. Именно те, кого какая-то сволочь когда-то цинично назвала «пушечным мясом».

Спецназ тоже иногда несет потери, но, ввиду особой подготовки, как правило, меньше других. Стая матерых волков не боится в лесах никого – они порвут любого, кто встретится на их пути. Волкам страшна лишь охота с вертолета, когда «серых хищников лесных, матерых

и щенков» убивают не в честной схватке, а просто расстреливают, не оставляя ни малейшего шанса на спасение. Спецназ умеет делать свою работу и не боится никого и ничего. Кроме предательства, когда – как это было с Армией в конце восьмидесятых и в девяностых – свои же начинают расстреливать своих с вертолетов. К счастью, расстреляли не всех и Армия у нас еще есть. Есть и настоящие мужики, которые без особой шумихи и дешевой похвальбы умеют решать любые боевые задачи. Правда, война есть война и порой на базы живыми возвращаются далеко не все. Война – дама жестокая и ей плевать на самую серьезную подготовку – она иногда с завязанными глазами палит наугад, а иногда с усмешечкой сталкивает одну стаю с другой – такой же серьезной и подготовленной...

...Длинная очередь из крупнокалиберного пулемета БТРа вновь разорвала настороженную тишину, на пару минут воцарившуюся над окраиной небольшого поселка, приткнувшегося у подножия невысокого горного хребта, где-то чуть севернее примыкавшего к массивам Северного Кавказа. Дробный грохот подхватило глуховатое в этот серенький сырой день эхо и немного погоняло его между длинных каменистых склонов, покрытых серо-желтой мертвой травой и редкими зарослями голых кустарников. Вслед басовитому голосу пулемета сухо ударили хлесткие автоматные очереди и несколько раз грохнули тугие разрывы ручных гранат. Пули с хрустом яростно вгрызались в сложенные из добротного красного кирпича стены, высекая облачка красной пыли и кирпичной крошки, с противным визгом рикошетили и улетали неведомо куда. Из узких окон второго этажа дома ответными очередями огрызались не то два, не то три автомата. Патронов боевики, засевшие в доме, больше напоминавшем некое подобие старинного крепостного форта, явно жалеть не собирались. Штурм длился уже больше двух часов, но реальный результат, который должен был представлять собой группу понурых, мрачных пленников или хотя бы трупы боевиков, сложенные в рядок вместе с их оружием, пока был равен нулю...

– Вот суки, а... – лейтенант Сорокин привалился спиной к невысокому, сложенному из дикого камня заборчику, и, сноровисто поменяв опустевший рожок на полный, передернул затвор своего АКМСа. – Сейчас бы из танка по ним пару раз жакнуть – и песня вся...

– Или бортовым залпом крейсера, – майор Орехов, командир группы спецназа, выудил из узкого кармана измятую красную пачку самой обычной «Примы» и прикурил, сердито пыхая серо-голубым дымом. – Ну нет у меня танка, лейтенант... Нет, так у нас дело не пойдет. Дом мужики строили на совесть, на века. Мы так до весны перестреливаться будем, а через полчасика уже темнеть начнет...

– Слушай, майор, а как они так попались, а? Такие неуловимые и вдруг...

– Как обычно. А то ты не знаешь, что вся оперативная работа держится на стукачах... Кто-то из местных стукнул, ребята из ФСБ подсуетились, и вот мы здесь, а они там, в доме. И наша задача – их обезвредить. Как говорят в теленовостях: «В результате боевой операции уничтожены куча боевиков и один из печально известных полевых командиров». Вот там, в доме этом чертовом, как раз такой средненькой величины командир и отстреливается. Как его там... Мадаев, что ли? Да какая нам на хрен разница, кто он там... Надо его брать.

– Так брать или уничтожить? – в глазах Сорокина на секунду мелькнула злая усмешка и было не очень понятно, кому эта усмешка адресована – то ли телевизионщикам, то ли мужикам из ФСБ, у которых были свои, специфические цели и задачи, частенько не очень-то совпадавшие с целями, которые ставили перед собой спецназовцы.

– А это уж как карта ляжет, – неопределенно цыкнул зубом Орехов.

– Товарищ майор, они на связь вышли, – к Орехову подобрался один из бойцов и, присев на колено, протянул трубку мобильного телефона. – Вот, из окна выбросили. Хотят с командиром говорить...

Трубка тут же отозвалась мелодичным звоном и выдала популярную в определенных кругах мелодию: «А мы с тобой кайфуем...» Майор нажал кнопку приема.

– Командир слушает. Что надо?

– Слушай, слушай. Ты, командир, какое училище заканчивал, а?

– Военное. Дело говори.

– Может, мы с тобой в одном училище учились, а, уважаемый? Я хорошо учился, воевать умею. Не взять вам нас. Только людей зря потеряешь. Зачем тебе это? Давай так: вы даете нам полчаса, и мы уходим, а? А в доме найдешь потом подарок для тебя и для твоих людей – очень хороший подарок. Полгода сможешь жить по-человечески...

– Я не принимаю подарков от незнакомых. Пустой у нас разговор. Даю тебе три минуты. Выходите с поднятыми руками – и всем хорошо. Мы – домой, а вы – в теплую тюрьму. Все. Три минуты! – Орехов нажал отбой.

– Думаешь, сдадутся? – скептически скривился лейтенант.

– Это вряд ли, – мрачно качнул головой Орехов. – Так, лейтенант, сделаем так...

Расчет Орехова оказался правильным: с тыльной стороны дома, куда удалось незаметно пробраться через соседний двор, оказалось малюсенькое окошко в цоколе, через которое майор с лейтенантом Сорокиным смогли пробраться в подвал. Если бы Орехову еще вчера кто-то сказал, что в это небольшое отверстие сможет пролезть взрослый человек, майор не поверил бы. Однако нужда вертеться заставит и, сняв каски-сферы, разгрузки и бронежилеты, офицеры буквально ввинтились в лаз, до крови обдирая себе кожу на боках. Затем снаряжение снова было надето и началось быстрое и бесшумное прочесывание каждого закоулка, коридорчика и комнаты. Все это несколько напоминало картину боя в каком-либо из домов Сталинграда зимы 1942 года: на одном этаже немцы, на другом – наши, и кто владеет домом – толком сказать не мог никто...

Снаружи почти безостановочно грохотал пулемет, ему вторили выстрелы автоматные, а где-то наверху все с той же отчаянной злобой огрызались автоматы боевиков. Прикрывая друг друга, Орехов и Сорокин подошли к подножию лестницы, ведущей на второй этаж. Майор быстрой тенью взлетел наверх и прижался к выступу стены. Определив, из которой комнаты звучат выстрелы, метнулся к двери.

Лейтенант, словно тень или зеркальное отражение, повторил маневр Орехова и встал по другую сторону двери. Затем спецназовцы проделали простенький маневр, не раз и не два отработанный в учебном центре подмосковного полигона: сначала вышибается дверь, затем в проем летят парочка гранат – обычных, светшумовых, газовых – по ситуации, – а уж потом в помещение влетают бойцы и скручивают или добивают всех уцелевших.

Еще не затих грохот разрыва гранаты, а Орехов уже ласточкой влетел в проем и, проделывая кульбит, с безошибочностью боевой машины точно определил расположение боевиков в комнате и короткой очередью мгновенно вывел из строя одного. Второго положил Сорокин. С третьим спецназовцам относительно повезло: тот именно в этот момент перезаряжал автомат. На то, чтобы выщелкнуть пустой рожок, вставить полный и передернуть затвор, нужно секунды три-четыре. Именно этих секунд майор боевику и не дал. Орехов просто навел ствол на бандита и нажал спусковой крючок. Автомат коротко и оглушительно подал свой голос, и боевик молча ткнулся заросшим черной бородой лицом в грязные доски пола, усыпанные битым стеклом и пустыми блестящими гильзами. В доме наступила тишина – пока еще опасливая и недоверчивая. Так замирает, остывая и потрескивая после тяжелой и напряженной работы, усталый и перегревшийся двигатель автомобиля, проделавшего долгий путь...

– Слышь, майор, – после того, как бойцы проверили все комнаты этажа и чердак, Сорокин присел на ступеньку лестницы, выдохнул длинно и устало и кивнул на последнего бандита, – а этого вполне можно было попробовать и взять, нет?

– У меня зарплата не такая большая, – тусклым голосом отозвался Орехов, закуривая свою неизменную «примину».

– В смысле?

– В смысле, что расстрела у нас нет. – Взгляд майора стал жестким и неприязненным. – Он получил бы в лучшем случае пожизненное, и я, как честный налогоплательщик, должен был бы всю жизнь эту тварь кормить. А зарплата у меня маленькая, и я очень жадный. Мне как-то одна дамочка сказала, что вор не в тюрьме должен сидеть, а в земле лежать... Я ответил на твой вопрос, лейтенант? Или будешь рапорт на меня...

– Орехов, да ты... – лейтенант даже задохнулся на мгновение, теряя дар речи. – Ладно, проехали. Чего там непонятного: оказывал яростное сопротивление и был убит в перестрелке...

– Вот именно. Шарапов – хороший парень, но наивный дурак. А вот Жеглов, собака, умел вдаль смотреть и тысячу раз прав оказался... Кстати, Сорокин, про ши с потрошками не знаю, а вот по хорошему стакану мы с тобой заработали точно! Давай, двигай клешнями, а то и к ночи домой не попадем...

Однако мечтам Орехова о наваристых щах, вполне заслуженном стакане и небольшом отдыхе так и не было суждено осуществиться. Посыльный из штаба перехватил выходящего из душа майора в коридоре офицерского общежития и сообщил о срочном вызове к командиру бригады, к которой была прикомандирована и группа спецназовцев под командованием Орехова. На вопрос майора о причинах столь спешного вызова посыльный сначала неопределенно пожал плечами, но потом все же рассказал, что из Москвы на Орехова пришел какой-то запрос и, похоже, командировка для него заканчивается.

– Так что, думаю я, товарищ майор, ваша беготня за боевиками кончилась, – в голосе посыльного Орехов явственно расслышал нотки неприкрытой зависти к человеку, который вскоре покинет эти беспокойные края с их серой зимней слякотью и вернется в большой нормальный город, жители которого имеют весьма и весьма туманное представление как об этих местах вообще, так и обо всем, что здесь творится.

– Может, и так, – майор, уже настроившийся было на несколько часов более или менее нормального отдыха, сдержанно хмыкнул. В эту минуту Орехов был твердо уверен в том, что срочный вызов из Москвы вряд ли сулит ему какие-то очень уж приятные перемены. Опыт и некая интуиция подсказывали, что, скорее всего, вместо сегодняшней охоты за группами боевиков предложат какую-то другую, но все же охоту – а что еще может предложить командование боевому офицеру, одна из основных специальностей которого в просторечии именуется очень просто и красноречиво: волкодав...

Спустя два часа Орехову все же удалось прикорнуть. Правда, не на своей кровати в комнате офицерского общежития, а в грузовом отсеке Ил-76, вылетевшего с местного аэродрома на Москву. Время полета, таким образом, прошло практически незаметно – майор даже не успел замерзнуть в своем промозглom отсеке, напоминавшем металлический ангар, а борт уже заходил на посадку в подмосковной Кубинке...

7

...Стас Воронин никогда особенно не вникал в тонкости большой политики – ни в мировом, ни в российском масштабе. Он давным-давно уяснил для себя очень простую и понятную схему: какими бы красивыми словами не прикрывались большие политики любой страны, а суть их устремлений и подоплека практически любых действий всего лишь одна – пусть мне и моей стране будет хорошо, а всем остальным – уж как повезет.

В России, на взгляд Воронина, все было еще проще: есть большое корыто, есть те, кто к этому корыту доступ имеет, и есть те, кто об этом доступе пока всего лишь мечтает. Все это напоминало бывшему капитану внутренних войск обычную драку за власть и лучший кусок в переполненной тюремной камере. Наиболее сильный и наглый выбивается в паханы, окружает себя группой боевиков-гоблинов и шестерок, и далее камера начинает жить по понятиям и

правилам игры, которые устанавливает новый пахан. И как бы этот авторитет себя ни именовал, суть остается неизменной: есть «свои», есть «чужие» и есть остальные жители камеры, которые никогда и никого особенно не интересовали, те, кого в газетах именуют обычно «простыми россиянами» или народом.

Чтобы простой народ не чувствовал себя слишком уж откровенно бесправным, обворованным и облапошенным, ему подбрасывают множество красивых игрушек вроде «демократии», «свободы слова» и «честных выборов» – чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не мешало отцам и слугам народа жить красиво и в свое удовольствие...

Несмотря на всю примитивность и упрощенность такого подхода к более чем серьезным проблемам, Стас в течение всей своей жизни почти ни разу не ошибся и всегда умел сделать правильный выбор. Тот самый выбор, который позволял если и не вплотную приблизиться к вожделенному корыту, то хотя бы покрутиться неподалеку, что гарантировало вполне пристойное существование в стране, появившейся на развалинах СССР. Экс-капитан прекрасно понимал, что ни большого политика, ни акулы серьезного бизнеса из него не получится никогда и ни при каких условиях – хватка и мозги не те. А вот пристроиться поближе к серьезному человеку, как это делают рыбки-прилипалы, и поиметь свой кусочек вкусного пирога со стола этой самой акулы было вполне возможным.

Правда, один раз Стас все-таки ошибся и поставил явно не на ту акулу. Начальник и покровитель, поначалу казавшийся человеком очень даже солидным, на деле оказался чересчур наглым, жадным и в чем-то даже глупым, из-за чего довольно быстро погорел на каких-то махинациях и сел. Капитан Воронин мысленно плюнул вслед спецвагону, увезшему дурака-начальника куда-то в сторону Нижнего Тагила, и по-тихому распрощаться с карьерой в модных ныне силовых структурах.

Стас оценил благосклонность судьбы и в очередной раз отметил простенькую мудрость своей личной политики, следуя которой он в первые ряды не лез и всегда старался из тени особенно не высовываться – именно эта тень и уберегла-то его от цепких лап правосудия. А также экс-капитан, за плечами которого было несколько лет службы в спецназе известной дивизии им. Дзержинского, сделал для себя логичный вывод: сегодня в этой стране, вопреки распространенному мнению, воруют не все, а лишь те, кому разрешено, кому «по статусу положено». Всех прочих российская Фемида, за годы перестроек и реформ ничуть, как выяснилось, не растерявшая былой сноровки, умеет порой удивительно ловко хватать за воротник и отправлять в места, где люди, отгороженные от остальной страны заборами из колючей проволоки, щеголяют в черных эковских робах и ходят строем...

Как раз в пору неспешных поисков новой акулы на Воронина какими-то своими хитрыми путями вышел некий полковник, представившийся Сергеем Ивановичем, и предложил бывшему капитану спецназа работу. Размышлял Стас недолго – акула производила впечатление серьезное и экс-капитану понравилась. Тем более что платить полковник обещал очень прилично, а выбирать Воронину было особенно-то и не из чего. После первой же ликвидации Стас понял, что работает он на людей действительно серьезных и что сел он в поезд, из которого уже не выпрыгнешь. Поезд, в котором у каждого из пассажиров в кармане лежит «ван взй тикет» – билет в один конец, как поется в одной старой песенке...

...Япония Стасу не понравилась практически сразу же, как только он покинул салон самолета, приземлившись на идеальную бетонку огромного токийского аэропорта. Воронин вряд ли смог бы толком объяснить, чем же конкретно вызвана эта неприязнь, но раздражала его буквально каждая мелочь: и обилие чужих восточных лиц, и совершенно непонятная вкрадчиво-мяукающая речь вокруг, и мельтешащие в глазах угловато-разлапистые кораллы иероглифов. То, что большая часть надписей дублировалась на английском, не столько помогало, сколько каким-то непонятным образом подчеркивало, что ты находишься в самом прямом

смысле на другом краю света и здесь все другое – климат, люди, порядки, обычаи. Все другое и все малопонятное.

После того как все таможенные формальности были позади, Воронин вдруг ясно понял, в чем кроется причина некоторого дискомфорта, мешающего ему подобно камушку, попавшему в ботинок...

Вопреки туманным представлениям Стаса о Японии, как о стране, где чуть ли не круглый год цветет какая-то там загадочная сакура, где на каждом углу топчутся разодетые в цветные кимоно девицы с веерами, стыдливо прикрывающие по-дурацки выбеленные лица, а мужики только и делают, что улыбаются друг другу и кланяются, на самом деле все оказалось гораздо проще и совсем не так романтично.

Тот же Токио на поверку оказался самым обычным мегаполисом с его неисчислимыми стадами машин на широких улицах, толпами подпирающих небо стеклянно-зеркальных небоскребов и реками человеческих фигур и лиц, спешащих по своим неведомым делам. Вся эта суэта шумела и мельтешила на фоне вывесок, рекламных картинок и прочих поясняющих и зазывающих надписей, сливающихся в одно огромное, переливающееся всеми цветами радуги красочное пятно.

Если отбросить в сторону обилие лиц «восточной национальности» вокруг и паучьих колонн иероглифов, то вполне можно было бы представить себя в любом современном городе мира. Даже в более чем современном – на взгляд Воронина, было в токийских улицах что-то такое... инопланетное слегка. Словно весь мир еще подзадержался в прошлом веке, а вот именно Япония каким-то хитро-азиатским образом успела перебраться в двадцать первый и чувствует себя в нем очень даже естественно и комфортно.

Экс-капитан понял, что больше всего остального его раздражает вот эта самая отчужденная инопланетность. Вежливая холодность и равнодушие страны из будущего, заставлявшие чувствовать себя пареньком из глухой деревушки, вдруг оказавшимся в насколько большем, настолько и чужом городе. Именно чужим, не имеющим с этими непонятными людьми ничего общего, ощутил себя Стас с первых же минут после того, как покинул уютный салон «боинга». И обилие вокруг лиц с характерным разрезом глаз только подчеркивало эту чужеродность и еще раз навязчиво напоминало о том, что Воронин, собственно, и так знал еще в Москве – светловолосый европеец на японских улицах выглядит если и не как муха в горшке со сметаной, то и ненамного незаметнее. Эта невозможность затеряться в толпе могла здорово осложнить задачу. Как и то, что в аэропорту, как оказалось, японцы в обязательном порядке фотографировали абсолютно всех пассажиров – как прибывающих в их страну, так и транзитных...

«Доллары к оплате не принимают нигде...» – вспомнил Воронин строчку из тщательно заученной «Памятки туристу по Японии» и, проклиная валютный патриотизм самураев, отправился к обменному пункту аэропорта. Там довольно-таки симпатичная девушка с молниеносной быстротой обменяла несколько серо-зеленых бумажек на местные цветные фантики с угрожающе огромными цифрами, живо напомнившими Стасу российские денежки девяностых. Экс-капитан аккуратно уложил стопочку купюр в объемистый бумажник и, стараясь вложить в улыбку как можно больше обаяния, слегка склонился в полушутливом поклоне и с легкой запинкой поблагодарил: «Аригато!» Пора было запикивать свои дурацкие эмоции в карман и начинать жить по местным «понятиям». Работа – она и в Японии работа...

Далее, по заранее разработанному плану, следовало добраться до небольшого отеля где-то на окраине Токио, где Стаса уже должны были поджидать еще два «игрока сборной России». Правда, специализировалась эта сборная команда отнюдь не по футболу или пинг-понгу – скорее их можно было назвать специалистами по стрельбе, единоборствам и прочим нетрадиционным способам договариваться с партнерами и конкурентами по бизнесу.

Насколько Воронин был в курсе, один из спецов на прошедшей неделе улаживал одно из «деловых разногласий» где-то на просторах заснеженной Аляски, а второй – не то бывший

морской пехотинец, не то боевой пловец, – нечто подобное же проделывал в краях, где о морозах и снегах не имели ни малейшего представления...

...Пожилой таксист припарковался неподалеку от входа в отель и, поглядывая на счетчик, начал тщательно, до последней иены, отсчитывать сдачу. Стас водилу не торопил: уже знал, что чаевые здесь давать не принято, поскольку все уже автоматически включено в счет, и если ты не хочешь, чтобы тот же таксист гнался за тобой, размахивая зажатými в кулачке бумажками и монетами, то сиди, жди и терпи. И уж тем более не ставь себя в глупое положение фразочкой вроде: «Сдачи не надо!»... Воронин уже привычно буркнул «Аригато!», зачем-то подождал, пока такси вольется в не очень плотный здесь, на окраине, поток машин, и лишь затем шагнул к стеклянной двери под вывеской, извещавшей, что именно здесь находится отель, выбранный им для встречи со своей командой бойцов...

8

Приморский край, порт Находка

...Тугая волна горячего сухого пара ухнула куда-то под потолок и сразу же рванулась вниз, обволакивая обнаженные тела жгучим облаком. Четверка крепких мужиков на мгновение затихла, пригибая головы и забавно съеживаясь, но тут же снова с деловитой яростью заработала уже потерявшими изначальную сухость и пушистость вениками. В крепкие запахи влажного дерева и едва ощутимой горчинки хорошо вытопленной бани с новой силой вмешался ни с чем не сравнимый аромат березового листа, напоминавший о славной поре, когда весна только-только сменяется летними днями и все в природе еще свежо, молодо и не тронуту ни усталостью, ни осенней желтизной.

– Ох, мама ты моя... Это не баня, мужики, это – что-то такое... помесь святой инквизиции и рая на земле. – Скат отшвырнул в угол до голых прутьев исхлестанный веник, присел на корточки поближе к входной двери, из-под которой чуть ощутимо тянуло холодком и, шумно отдуваясь, мечтательно произнес: – Вот теперь бы на каменку пивка холоденького литрочку-другую...

– Ха, пивка... Пивом голову не обманешь, старлей! Мы к пивку и водочки грамм несколько найдем, не бойсь! Тут у нас какая хочешь: и на женьшене, и корейская со змеей внутри. Да погоди чуток, сами увидите, – живо отозвался один из парильщиков, майор погранвойск, по инициативе и по приглашению которого Катков и накануне прилетевшие вместе со старлеем старший мичман Троянов и майор Орехов и попали в эту замечательную баню. Вообще-то, на самом деле майор был капитаном третьего ранга и командовал несколькими весьма приличных размеров пограничными катерами, но гостям своим великодушно разрешал именовать себя на сухопутный манер – для краткости. Правда, Тритон пытался немножко поворчать по поводу того, что один сухопутный Орехов никак не перевешивает троих представителей славного ВМФ и надо бы все по военно-морскому уставу, но Скат наградил мичмана таким красноречивым взглядом, что тема несерьезных мальчишеских амбиций была мгновенно закрыта.

– Видит око, да глаз неймет, – устало прикрывая глаза, туманно прокомментировал Орехов заманчивое предложение пограничника, носившего страшно оригинальную фамилию Иванов.

– В смысле? – Иванов вполне искренне озадачился и на его округлом, обожженном всеми тихоокеанскими ветрами лице появилось выражение непонимания пополам с обидой. – Ты, майор, на что намекаешь? Что вы со мной и рюмку после бани не выпьете? Нет, брат, это не то что не по-дружески, это даже как-то и не по-мужски... Или я чего-то не так понял?

– Все ты понял правильно, майор, – не открывая глаз, негромко ответил Орехов. – За баню тебе спасибо, как говорится, и за привет, и за ласку, но водку я пить не стану. Ребята,

если захотят, отведают твоих женьшеневых, а я воздержусь. Ты не сердись, какие тут обиды... Мы на работе, между прочим, а мне не двадцать уже... Хочешь старую байку? Никто не мог застрелить очень юркую птичку – даже самые прославленные охотники мира. А русский жажнул два пузыря водяры и попал! Все к нему: как это ты так? А он ухмыляется: так я ж из пяти стволов... Так то байка, а в жизни так не бывает...

– Да понял я, майор, не тупой. – Иванов уважительно покосился на аккуратный круглый шрамик на жилистом бедре Орехова и уже совсем другим тоном спросил: – Насчет работы вашей... Так о чем вы со мной говорить-то хотели?

– А вот командир наш, – Орехов оттопырил большой палец и указал на сидящего рядом Ската, – с ним и беседуй. У нас, майор, иногда не тот командует, у кого звезд на погонах больше, а тот, кто в поставленной задаче лучше разбирается. Давай, Вячеслав, вербуй майора в наш засадный полк...

Вероятно, со стороны этот импровизированный военный совет выглядел немного странноватым: четверка мужчин, чуть прикрывавших наготу кто веничком, кто полотенцем, вела неторопливую беседу и чем-то напоминала собрание римских патрициев. Эта картина, вполне вероятно, могла бы вызвать у стороннего наблюдателя улыбку, если бы выражение лиц «патрициев» не было столь уж серьезным и сосредоточенным.

Обсуждали детали возможного будущего сотрудничества группы Ската и пограничников, представителем которых здесь, в тесноватом помещении баньки, был майор Иванов. Несколько необычное место разговора решительно никого не смущало и не удивляло, поскольку отвечало сразу нескольким условиям, в одинаковой мере беспокоившим как прибывших накануне из Владивостока спецназовцев, так и майора местной пограничной стражи. Главным среди всех этих условий была конечно же секретность. А уж баня, где по понятным причинам трудно утаить даже самые миниатюрные микрофоны или видеокамеры, соображениям секретности отвечала вполне, тем более что практически каждый сантиметр парилки был Катковым проверен заранее, как раз в те минуты, пока его товарищи неторопливо раздевались в предбаннике.

– В общем, товарищ майор, дело такое. – Скат промокнул полотенцем лицо, уперся ладонями в колени и чуть наклонился в сторону Иванова. – Может случиться так, что из Японии нам придется уходить... скажем так, не очень легально, но очень быстро. Если события будут развиваться именно так, то можешь ли ты со своими ребятами обеспечить нам эвакуацию из заранее оговоренной точки встречи, или, выражаясь красиво – с места randevу?

– Если точку этого самого randevу вы обозначите в наших территориальных водах – то без особых проблем. Или в крайнем случае в нейтральных водах, – кивнул майор. – Я сам на своем катере куда нужно будет подскачу. Все сделаем аккуратно и тихо, не беспокойтесь. Если понадобится, я могу и с вертолетчиками договориться. Там мужики понимающие, и мы без лишней бюрократии иногда помогаем друг другу. Тут, у нас на границе, как вы понимаете, своя специфика...

– Вот и у нас вроде того, тоже своя специфика, – Катков сдержанно улыбнулся. – О том, что, кроме тебя, о нашем путешествии не должна знать ни одна живая душа, я даже и говорить не стану – это и так понятно...

– Об этом можешь не беспокоиться, – вновь понимающе кивнул пограничник. – Мне в разведотделе флота, куда насчет вашей группы бумага из Москвы пришла, все подробно объяснили. Оттуда утечек не бывает, а насчет меня и моих ребят тоже можете особо не переживать – мы службу туго знаем, не первый день здесь. Вы там, в Европах, привыкли считать, что тут все сто раз куплено и продано, как тот же рыболовный флот и квоты на рыбешку. Что скрывать, всякое есть, но насчет границы... тут у нас все в кулаке и на замке!

– То, что на замке – это хорошо. А вообще вы тут с японцами как? Насчет островов они все шумят?

– Да ну, – Иванов пренебрежительно отмахнулся, – тоже мне, нашли проблему. Они периодически шумят, да потом снова быстренько успокаиваются. Знаешь, как один англичанин ответил на вопрос, почему у них нет еврейской проблемы? Просто мы, сказал он, не считаем себя глупее евреев – так что, нет у нас, мол, такой проблемы. Так и здесь: японцы ребята умные и прекрасно понимают, что острова им никто и никогда не отдаст. Так же они понимают не хуже нашего, что торговать всегда намного выгоднее, чем воевать. Нам вон, если честно, со своими браконьерами в сто раз больше проблем, чем с японцами... Так что, еще раз говорю: все сделаем тихо и красиво – как в кино, как учили...

– Тихо и красиво – это хорошо, а вот как в кино – ни в коем случае не надо! Ну что же, товарищ капитан третьего ранга... Будем считать, что договорились. Точку на карте и прочие нюансы чуть позднее оговорим... А теперь, – Скат улыбнулся и слегка прихлопнул ладонью по гладким доскам полка, – давай, хозяин, угощай гостей из Европ, как ты говоришь! Наш майор пусть здоровье бережет, а мы со старшим мичманом по стопке себе позволим...

...Старший лейтенант знал, о чем говорил, когда упоминал кино. Те же оперативники из милицеских структур всегда особо подчеркивали, что стрельба и погони, о которых так любят красиво рассказывать в своих лентах киношники, в их повседневной работе вещь весьма редкая. Редкая, поскольку долгая беготня и выстрелы в большинстве случаев говорят лишь о том, что сработали опера грубо и не очень профессионально – в идеале преступника берут тихо, без малейшего шума и суеты, и уж тем более совершенно незаметно для посторонних зевак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.